

Лицо Вэй Хуань стало ещё бледнее, в голосе зазвучала горечь:

— Если ты мне не веришь, то и помощь твоя мне не нужна.

С этими словами она потянулась к двери, но я ухватила её за руку. Не ожидая такой упрямства, я выпалила:

— К чему такие крайности?

Тут же осознав, что прозвучало это слишком уступчиво, я поспешно добавила:

— Раз я сказала, что помогу, значит, помогу до конца. Нужна тебе моя помощь или нет — не важно. Я всё равно помогу. Что ты с этим поделаешь? Я позвала тебя сюда, потому что нога болит, и ты должна была мне помочь. А ты собралась уйти — разве так поступают?

Вэй Хуань вспыхнула от злости и стояла, дрожа.

Я, не сдаваясь, пристально смотрела на неё, высоко подняв подбородок, стараясь сохранить достоинство принцессы.

В конце концов она сдалась. Нехотя вернувшись, она опустилась на колени и громко бросила:

— Давай ногу.

— Разве так прислуживают? — возразила я.

Она зло посмотрела на меня, сдержалась и сквозь зубы произнесла:

— Прошу Ваше Высочество поднять свою драгоценную стопу.

Я протянула ногу. Вэй Хуань подняла своё колено, устроила на нём мою ногу и принялась медленно разминать. Приёмы её оказались ничуть не хуже, чем у массажистов из Лечебного приказа.

Я прикрыла глаза, наслаждаясь её услугами и размышляя, как буду вымаливать прощение у родителей. Ранее, в панике, я растерялась, но теперь, придя в себя, поняла: раз уж Ян Цзыгао лично приехал за мной, значит, главную роль здесь играет отец, а с ним договориться куда проще, чем с матерью.

Выдержка у Вэй Хуань была поистине завидная. За короткую дорогу она словно переродилась: почтительно помассировала мне ногу, затем плечи, а когда колесница остановилась, согнувшись, как простая служанка, вышла вперёд, чтобы указать путь. Сойдя, она почтительно подала мне руку.

Видя её поведение, я окончательно постигла смысл материнских наставлений той ночью. Цуй Мин-дэ, Вэй Хуань — сколько бы ума и талантов у них ни было, они всего лишь мои подданные. Я для них — как учитель для учеников в школьные годы. Ученики внизу могут строить свои маленькие хитрости, полагая, что учитель ничего не замечает, но учитель-то стоит на возвышении, и ему оттуда видна каждая мелочь. Разница лишь в том, говорить об этом или нет. Это различие, предопределённое кровью, для них непреодолимо.

Однако, осознав это, я не почувствовала радости. Напротив, в сердце заструилась лёгкая грусть. В тот момент я не придавала ей значения, но вдруг спросила Вэй Хуань:

— Если бы... я велела тебе войти во дворец, ты бы согласилась?

Она резко подняла на меня взгляд — точно увидела перед собой тирана Цзе из династии Ся, жестокого правителя Чжоу из Шан или безумца, заносящего меч.

Мы дошли до чертога Цзычэнь. Ян Цзыгао велел Ли Жую, мне и Вэй Хуань ждать снаружи, а сам отправился доложить. День ещё не склонился к вечеру, но время было уже позднее. Отец с матерью, однако, находились не в своих покоях, а в переднем зале — это было необычно. Я, нервничая, подошла к Ли Жую и спросила:

— Матушка сегодня в духе?

Он с усмешкой взглянул на меня:

— А как думаешь?

Значит, нет. Я опустила голову, потянула его за рукав и позвала:

— Старший брат.

Он отдернул рукав, поправляя одежду:

— Не порви мне придворное платье.

«Придворное платье»... И ещё это высокомерное «я». Я тоже скорчила гримасу. Постояв немного без дела и видя, что нас всё не зовут, я снова подошла к нему:

— Почему матушка до сих пор не вызывает меня?

— За день Ваше Величество принимает множество сановников. Разве не естественно, что мы в конце очереди? — ответил он раздражённо.

Я фыркнула, подошла вплотную и уставилась на него снизу вверх. Ли Жуй в придворном облачении смотрелся довольно внушительно для князя, но, будучи ещё юн, быстро смутился под моим взглядом. Он забегал глазами и неловко спросил:

— Чего уставилась?

— Может, отец с матерью тебе что-то сказали? Оттого ты такой... странный.

Он с достоинством выпрямился:

— Мне уже пятнадцать. Я — циньван, открывший свою резиденцию. Разве могу я вести себя, как ты?

Я всё поняла:

— Наверное, отец с матерью отругали тебя за то, что ты, старший брат, плохо за мной присматривал. Вот ты и злишься на меня.

Он хмыкнул — мол, да, так и есть. Увидев его хмурую мину, я притворилась, что зажимаю нос, и сказала:

— Какая вонь!

Он машинально понюхал себя:

— Где?

— Конечно же, от твоего лица!

Кто-то рядом фыркнул. Я обернулась к Вэй Хуань, но та стояла с каменным лицом, опустив голову. Оглядевшись, я увидела, что слуги и евнухи стоят поодаль и не могли слышать наш разговор.

Решив, что мне показалось, я не стала разбираться. Лицо Ли Жуя почернело ещё больше. Он злобно посмотрел на меня и отошёл в сторону.

Мы простояли ещё довольно долго. Небо потемнело, у меня затекли ноги и заурчало в животе. Вокруг, где прежде сновали чиновники, теперь было пусто. Потерев живот, я наконец осознала: Их Величества, скорее всего, наказывают нас. Мне стало чуть обидно, но я тут же прогнала это чувство, выпрямилась и приняла вид верного подданного и почтительной дочери.

Когда слуги из Управления Шаншань принесли лёгкую ночную закуску, наконец вышел Ян Цзыгао:

— Князь Дай, принцесса Чанлэ — к аудиенции.

Ли Жуй и я, словно получив помилование, разом поправили одежду. Заметив, что движения наши совпали, мы переглянулись. Я первой улыбнулась. Он не смог сохранить напускную холодность, отвернулся и, фыркнув, пробурчал:

— Я старший.

И шагнул вперёд, первым войдя в зал.

Я мысленно покачала головой, но внешне сохраняла серьёзность. Переступив порог, я с изысканной грацией подошла к трону и вместе с Ли Жуюм почтительно поклонилась:

— Ваш слуга, князь Дай Жуй / принцесса Чанлэ Тайпин, приветствует Ваше Величество.

Отец и мать не велели нам вставать. Мать, кажется, слегка склонила голову, либо же пошевелила платьем — вокруг раздался лёгкий перезвон нефрита и жемчуга. Со стороны отца доносился более размеренный звук — он постукивал пальцами по столешнице. Тук-тук. Медленно, неспешно.

Ни Ли Жуй, ни я не смели поднять глаза, чтобы украдкой взглянуть наверх.

Мы простояли на коленях долго. Уже начали неметь колени и подрагивать бёдра, когда отец наконец поднялся. Шаг за шагом он приблизился и остановился прямо передо мной.

— Поняли свои ошибки? — спросил он.

Хотя он сказал «вы», вопрос явно был обращён ко мне.

Ли Жуй ударил головой об пол:

— Ваш слуга осознал свою вину.

Я же, не спеша, выпрямилась и сказала:

— Ваш слуга осознал свою вину. Однако ошибку допустили не только я. У Их Величеств тоже есть своя вина.

Ли Жуй вздрогнул от испуга, забыв про прежнюю досаду, и начал отчаянно жестами умолять меня замолчать. Я проигнорировала его и, глядя прямо на отца, продолжила.

Отец обернулся, улыбнулся матери и сказал:

— О? Расскажи-ка.

— С младенческих лет Ваш слуга был пожалован титулом принцессы Чанлэ, а в десять лет получил и реальные владения. Всё это — безмерная милость Двух Совершенномудрых. Однако, согласно установленному порядку, принцессы должны иметь собственных чиновников и свиту, а у меня их нет. В этом — упущение Их Величеств.

Отец приподнял бровь:

— И какое же отношение это имеет к твоему самовольному выходу из дворца?

Я расправила плечи:

— Князья в нашей династии с давних пор имеют право самостоятельно привлекать чиновников. Их Величества, не учтя этого, не предоставили слуге подчинённых. Поэтому слуге пришлось самой искать таланты, чтобы укомплектовать свою администрацию. Для этого я и вышла из дворца в простой одежде, дабы разыскать достойных мужей и тем самым — хоть немного исправить упущение Вашего Величества. Это — во-первых. Во-вторых, хоть слуга и согрешил, это — первая провинность. Если Их Величества дадут мне немного наставлений, слуга непременно исправится. Если же Ваше Величество применит суровое наказание, то это будет казнь без предупреждения. Как бы ни были строги законы сверху, зло внизу не искоренить. Так не поступают те, кто желает, чтобы ветер склонял траву. Осмелюсь просить Ваше Величество внять моим словам.

<http://bllate.org/book/16278/1465910>